

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_86

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТРАН БРИКС В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

Всеволод Анатольевич Голоскоков,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
wsevolod1998@mail.ru

Получена 13.10.2025.

Поступила после рецензирования 24.11.2025.

Принята к публикации 28.11.2025.

Для цитирования: Грибовод Е.Г., Голоскоков В.А. Культурная дипломатия стран БРИКС в эпоху становления многополярного мира: теоретические рамки и практические аспекты // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 86–100. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_86

© Грибовод Е.Г., Голоскоков В.А., 2025

Аннотация

В условиях становления многополярного мира особую популярность приобретают инструментарий и ценностные нарративы, транслируемые международными акторами, в частности объединением стран БРИКС. В ситуациях, когда экономические и политические связи в системе международных отношений слабеют или утрачиваются, одним из полюсов соприкосновения становится гуманитарный сектор дипломатических отношений, а именно культурная дипломатия. В статье проведена концептуализация культурной дипломатии, выделены ключевые интерпретации, сформировавшиеся в политико-правовом и геополитическом дискурсах. В исторической ретроспективе концепт «культурная дипломатия» трансформировался. Он рассматривался как направление внешнеполитической пропаганды (Ф. Баргхорн), инструмент политики гостеприимства (П. Холландер), компонента мягкой силы международного актора, а также в рамках теории публичной дипломатии и через оптику исследований в области менеджмента и международных связей с общественностью. В работе выявлена и проанализирована роль культурной дипломатии как структурного элемента гуманитарной дипломатии. На современном этапе развития международных отношений в академическом дискурсе зафиксирован процесс «нейтрализации» данного концепта. В исследовании также раскрывается инклюзивный характер культурной дипломатии. Основной исследовательский интерес был сфокусирован на комплексном анализе материалов и документов партнерства за последние семнадцать лет, раскрывающих социокультурное направление развития дипломатии БРИКС. Рассмотрена модель культурной дипломатии БРИКС, в частности ключевые направления сотрудничества, практические аспекты и транслируемые ценностные нарративы, реализуемые в рамках межкультурного сотрудничества стран БРИКС. В результате исследования были выделены основные этапы институционализации и развития культурной дипломатии БРИКС. Отмечается, что культурная повестка постепенно расширялась, изменялись контуры социокультурного «измерения» партнерства. Был сделан вывод о том, что несмотря на существование ряда особенностей и ограничений, БРИКС спустя семнадцать лет реализует уникальную стратегию культурной дипломатии, в основе которой заложены принципы и ценности многополярного мироустройства.

Ключевые слова:

культурная дипломатия, культурное сотрудничество, гуманитарная дипломатия, мягкая сила, публичная дипломатия, БРИКС, спорт

CULTURAL DIPLOMACY AND THE BRICS COUNTRIES: THEORETICAL FOUNDINGS AND PRAGMATIC APPROACHES IN A MULTIPOLAR ERA

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Vsevolod A. Goloskokov,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
wsevolod1998@mail.ru

Received 13.10.2025.

Revised 24.11.2025.

Accepted 28.11.2025.

For citation: Gribovod, E.G., Goloskokov, V.A. (2025). Cultural Diplomacy and the BRICS Countries: Theoretical Groundings and Pragmatic Approaches in a Multipolar Era. *Discourse-P*, 22(4), 86–100. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_86

Abstract

In an emerging multipolar world, the tools and value-driven narratives promoted by international actors – particularly the BRICS association – have gained significant prominence. When economic and political ties within the international system weaken or dissolve, the humanitarian dimension of diplomatic relations, namely cultural diplomacy, emerges as a promising interface. This study conceptualizes cultural diplomacy by delineating its key interpretations within political-legal and geopolitical discourse. Historically, the concept of *cultural diplomacy* has undergone serious transformation – viewed alternatively as an instrument of foreign propaganda (Frederick Barghoorn), a tool of hospitality politics (Paul Hollander), a component of an international actor’s soft power, and within the frameworks of public diplomacy theory and international public relations management. At the current stage of international relations, academic discourse has observed a certain “neutralization” of this concept. However, this research highlights the inclusive nature of *cultural diplomacy*, with the primary research focus being an analysis of partnership documentation and materials from the past seventeen years, revealing the sociocultural trajectory of BRICS diplomacy. We explore the BRICS

model of cultural diplomacy, particularly its key cooperation areas, practical applications, and value-driven narratives within its intercultural framework. Our research identifies key stages in the institutionalization and development of BRICS cultural diplomacy. It notes that the cultural agenda has progressively expanded, reshaping the contours of the partnership's sociocultural dimension. The study concludes that, despite certain limitations and distinctive characteristics, BRICS has developed a unique cultural diplomacy strategy grounded in the principles and values of a multipolar world order.

Keywords:

cultural diplomacy, cultural cooperation, humanitarian diplomacy, soft power, public diplomacy, BRICS, sport

Введение

В новых геополитических реалиях архитектура международных отношений изменяется как на политико-правовом (институциональном) уровне – на авансцену выходят новые субъекты мировой политики, – так и на инструментальном уровне – происходит ревизия стратегий и инструментов акторов мировой политики. Когда политические и экономические связи слабеют или вообще утрачиваются, одной из точек соприкосновения стран становится гуманитарное и культурное сотрудничество. В качестве примера можно привести спортивную дипломатию, которую активно применял Китай для налаживания контактов в середине 1960-х и начале 1970-х в отношении ряда государств, в том числе США. Как отмечают Квентин Тоннер и Грегори Куин, спорт, в частности пинг-понг, в котором китайские спортсмены достигли значительных успехов в мире, стал применяться в качестве инструмента дипломатии на государственном уровне (Vonnard, Sbeti & Quin, 2018, с. 195–196).

При рассмотрении социокультурного взаимодействия геополитических акторов в первой четверти XXI века необходимо учесть две переменные, которые оказали значительное влияние на развитие гуманитарного вектора системы международных отношений.

Во-первых, пандемия COVID-19. Воздействие пандемии коронавируса и её последствия для международных процессов и социогуманитарных связей достаточно подробно проанализированы в научной литературе (Мартьянов и др., 2022). При этом стоит выделить такое направление гуманитарного сотрудничества, как медицинская (вакцинная, масочная) дипломатия, которая получила новый импульс развития (Арсентьева, 2022) с момента вспышки коронавирусной инфекции в Китае.

Во-вторых, феномен «культура отмены», или остракизм (Головашина, Батищев, 2025; Чугров, 2022) как геополитический инструмент санкций. Данный процесс особенно болезненно отразился на культурном и гуманитарном секторах, в первую очередь на спорте высших достижений. Несмотря на тот факт, что в сфере спорта феномен бойкота прочно закрепился только после Второй мировой войны, когда международные спортивные соревнования приобрели

популярность и стали объектом общественного мнения и внимания политиков, отдельные эпизоды применения остракизма как инструмента политического и дипломатического давления фиксировались уже начиная с 1919 года при организации и проведении соревнований (Arnaud, Arnaud, 1997). Однако за последние несколько лет практика применения «культуры отмены» как инструмента санкционной политики стран Запада, в частности, в отношении российских и белорусских спортивных команд, позволила четко обозначить кризис ценностных оснований олимпийского движения и политизацию международных и национальных спортивных институтов.

Прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению стратегических документов БРИКС и современных практик культурной дипломатии стран альянса, необходимо осмыслить и концептуализировать данный вид дипломатии.

Становление концепта и актуальные интерпретации культурной дипломатии

Обращаясь к теоретическим истокам культурной дипломатии, необходимо отметить, что формирование теоретических предпосылок и концептуализация данного феномена начались после Первой мировой войны, в том числе под влиянием теории массовой коммуникации и пропаганды (У. Липпман, Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд). В научном дискурсе появление данного термина связано с исследованиями американского ученого Ф. Баргхорна, который занимался изучением вопросов пропаганды и внешней политики СССР, начиная с 1930-х годов (Табаринцева-Романова, 2019). Термин «культурная дипломатия» интерпретировался им как «отрасль межправительственной пропаганды», «манипуляция культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» применительно к внешней политике СССР (Barghoorn, 1960, p. 10). С точки зрения Ф. Баргхорна, советская культурная дипломатия представляла собой «сложную амальгаму пропаганды, обмана и порой взаимовыгодных сделок с несоветскими государствами», с одной стороны, продвигающую советский образ жизни в интересах внешней политики СССР, а с другой – защищающую советских граждан от «вредного чужеродного влияния» (Barghoorn, 1960, p. 6).

При этом Ф. Баргхорн подчеркивает амбивалентную роль культурной дипломатии в период холодной войны. Так, с одной стороны, исследователь отмечает, что культурная дипломатия может провоцировать другие правительства на принятие ответных мер, «продлевая» противостояние по обеим сторонам от «железного занавеса». С другой стороны, подчеркивает Ф. Баргхорн, культурная дипломатия с её «трудным интеллектуальным взаимодействием» имела перспективу стать гибким инструментом, способствующим созданию «более свободного мира» (Barghoorn, 1960, p. 10). В качестве примера можно рассмотреть выставочную деятельность «в рамках советско-американских соглашений о культурных обменах» (Фоминых, 2023, с. 151). Взаимные демонстрации достижений промышленности, науки и культуры позиционируются как «постепенное культурное проникновение, которое американцы могли организовать для экс-

порта своих символов, стиля жизни, потребительской культуры и стержневых ценностей общества» (Nixson, 1996, p. 12).

При рассмотрении особенностей культурной дипломатии СССР, проявившихся уже с 20-х годов XX века, американский политический социолог П. Холландер акцентирует внимание на «технике (политике) гостеприимства» как методе пропаганды советского строя и инструменте создания положительного имиджа страны для США и стран Запада. Данная «техника гостеприимства» при приёмах иностранных делегаций предусматривала создание комфортной атмосферы и трансляции выборочных сторон жизни в Советском Союзе (Холландер, 2001, с. 466–467).

Более детальное исследование сформировавшейся концептосферы, связанной с культурной дипломатией, позволяет выявить ее многоаспектность. Вследствие мозаичного характера данного концепта формируются различные национальные дискурсы и практики. Во Франции использовался термин «внешняя культурная политика», в англоязычном пространстве были распространены концепты «культурные дела» и «культурный обмен», в СССР применялось понятие «международные культурные связи», а в Китае в административном и научном дискурсе опирались на концепцию «народной дипломатии» (Нагорная, 2017, с. 14).

Следующей научной парадигмой, оказавшей влияние на развитие культурной дипломатии, стала концепция «мягкой силы». Незадолго до завершения холодной войны сотрудник администрации президента США Д. Най предложил понятие «мягкая сила», определив его как «способность оказывать влияние на других через поиск союзников, разработку повестки дня, убеждение, создание притяжения в целях достижения предпочтительного результата» (Nye, 1990, p. 20–21). Кроме того, исследователь выделил три источника, на которые опирается мягкая сила страны: «культура (в местах, где она привлекательна для других), ее политические ценности (когда она сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими странами) и ее внешняя политика (когда другие считают ее законной и имеющей моральное право)» (Nye, 2004, p. 11). Однако, как отмечает Д. Най, при применении стратегии мягкой силы нужно учитывать, что многие из её важнейших ресурсов находятся за пределами контроля правительств, действуют косвенно и в долгосрочной перспективе (Nye, 1990, p. 99). Таким образом, можно отметить, что культурная дипломатия охватывает как культурный, так и внешнеполитический сегмент стратегии мягкой силы актора международных отношений.

Подчеркнем, что в академическом дискурсе культурную дипломатию также рассматривают в рамках публичной дипломатии. Несмотря на общий инструментарий и взаимопроницаемость данных видов дипломатии, С. Н. Погодин их разграничивает. Публичная дипломатия рассматривается им как официальная государственная стратегия развития и позиционирования страны посредством социокультурной и гуманитарной деятельности, а культурная дипломатия – лишь как определенная «область дипломатии», которая регулирует взаимодействие страны с другими акторами международных отношений с помощью искусства, культуры и образования. Подчеркнем, что С. Н. Погодин выделяет национальные ценности и идентичность в качестве ключевых элементов, а также культурный

обмен и сотрудничество как важные способы реализации культурной дипломатии (Погодин, 2021, с.122–123).

Еще одной теоретической концепцией, в рамках которой рассматривают культурную дипломатию, является гуманитарная дипломатия. О.Н. Богатырева, Д.М. Ковба и К.М. Табаринцева-Романова (2021) в монографии, посвященной анализу современной многосторонней гуманитарной дипломатии, отмечают расширение границ традиционной дипломатии и ее фрагментацию (с. 11).

При детальном рассмотрении теории гуманитарной дипломатии концепты «гуманитарное сотрудничество» и «межкультурный диалог» могут быть выделены как понятия, семантически близкие с культурной дипломатией. Согласно подходу, сложившемуся в отечественном научном дискурсе и рассмотренному в монографии, гуманитарное сотрудничество интерпретируется более широко и охватывает «взаимодействие государств, межгосударственных объединений и негосударственных акторов в области культуры, искусства, науки, образования, туризма, спорта» (Богатырева и др., 2021, с. 16). Исследователи рассматривают «межкультурный диалог» как инструмент гуманитарной дипломатии. В работе отмечается, что диалог в социокультурном пространстве «иллюстрирует взаимосвязь гуманитарной дипломатии и “мягкой силы”», становится одним из доступных механизмов снижения напряжения в кризисных ситуациях, когда другие инструменты уже неэффективны (Богатырева и др., 2021, с. 130).

Как отмечают О.Ф. Русакова и В.М. Русаков, опираясь на концепцию мягкой силы, теория гуманитарной дипломатии «получает новый смысловой объем» и способна стать моделью для формирования и развития межгосударственных отношений. Исследователи рассматривают гуманитарную дипломатию как разновидность политической коммуникации, в основе которой заложены именно «мягко силовые» параметры и инструменты. Среди них выделяются сохранение и поддержание нравственных принципов и общечеловеческих ценностей, работа по расширению культурного обмена, в том числе продвижение национальной культуры и языка, волонтерская и миротворческая деятельность, следование нормам международного права и др. (Русакова и Русаков, 2017, с. 65–66).

Феномен культурной дипломатии в научном дискурсе рассматривается также через оптику исследований международных связей с общественностью и менеджмента. Как отмечает М. Ринейска-Келданович, «теории публичной дипломатии и культурная дипломатия тесно переплетаются с бренд-менеджментом», а ключевые принципы создания бренда страны сравнимы с коммерческой сферой создания идентичности. Конкурентоспособность бренда страны, согласно исследователю, коррелирует с ее продвижением на глобальном рынке, развитием туризма, экспорта и созданием позитивного имиджа (Ryniejska–Kiełdanowicz, 2009 с. 10).

Резюмируя, можно отметить, что интерпретация концепта «культурная дипломатия» значительно изменилась. Первоначально данный термин имел больший идеологический окрас и трактовался через призму теорий массовой коммуникации и пропаганды как манипулятивный инструмент геополитического воздействия стран, особенно в период холодной войны. В конце XX века в связи с популяризацией концепции мягкой силы, в научных трудах значимость социогуманитарного вектора внешней политики стран увеличивается, а понятие «культурная дипломатия» приобретает более «инклюзивный» характер.

Как отмечает Патрисия Гофф, культурная дипломатия может применяться «для преодоления разногласий и открытия новых каналов коммуникации» (2013, р. 2). Опираясь на теории мягкой силы и гуманитарной дипломатии, можно рассматривать ее как отдельный вид дипломатии, становящийся компонентом стратегии мягкой силы международного актора. Кроме того, стоит подчеркнуть ее тесную связь с полимодальной гуманитарной дипломатией, которая на современном этапе развития архитектуры международных отношений интегрировала практики культурной дипломатии в свою инструментальную и институциональную систему.

Культурная дипломатия БРИКС: стратегические документы и направления сотрудничества

В эпоху становления многополярного мира интерес к изучению проблематики неформального объединения стран БРИКС значительно возрастает (Лебедева, 2025). Взаимодействие и сотрудничество стран в рамках БРИКС спустя 17 лет сосредоточено на трех ключевых направлениях: «политика и безопасность, экономика и финансы, культурные и гуманитарные связи»¹. В работе предпринята попытка рассмотреть социокультурное направление развития дипломатии БРИКС, закрепленное в ключевых документах партнерства (Декларации по итогам саммитов и др.). Отметим, что в исследовании сделан акцент на изучении стратегии культурной дипломатии БРИКС как целостной структуры. Проанализировав заявления, материалы и документы партнерства (декларации по итогам Саммитов и встреч министров, правительств стран-членов БРИКС), можно выделить несколько этапов институционализации и развития культурной дипломатии БРИКС.

Первый этап характеризуется определением приоритетов культурной повестки и векторов развития культурного сотрудничества данного актора международных отношений. Так, в 2010 году в Совместном заявлении глав государств и правительств стран-участников Второго саммита БРИК отмечается «намерение продвигать сотрудничество стран БРИК в области науки, культуры и спорта», а также «важность содействия диалогу цивилизаций, культур, религий и народов»². В 2012 году в Делийской декларации подчеркивается необходимость «расширения каналов связи, программ обменов и контактов <...> в области молодежных обменов, образования, культуры, туризма и спорта»³. Отдельно стоит сделать акцент на Этеквинском плане действий, принятом по итогам V Саммита, где выделены новые области сотрудничества, в частности «Форум БРИКС по во-

¹ Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления (2025, 06 июля). Взято 29 сентября 2025, с <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqRC.pdf>

² Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц Второго саммита БРИК (Бразилия, г. Бразилиа, 2010, 15 апреля). Взято 29 сентября 2025, с <https://infobrics.org/ru/document/5/>

³ Делийская декларация (Индия, г. Нью-Дели, 2012, 29 марта). Взято 29 сентября 2025, с <https://infobrics.org/ru/document/12/>

просам публичной дипломатии», «Спорт и проведение крупных спортивных мероприятий»⁴. Как отмечают А. О. Наумов, А. Ю. Наумова и М. В. Белоусова, «отправной точкой институционализации» культурного сотрудничества БРИКС стала Форталезская декларация (Наумов и др., 2023, с. 12). В данном документе подчеркивается значение культурной дипломатии в рамках альянса «как инструмента укрепления взаимопонимания между народами»⁵.

На втором и текущем этапе происходит расширение социокультурной повестки и сфер гуманитарного сотрудничества (библиотечное и музейное дело, музыка и театр, цирк, кинофестивали и спортивные соревнования, сохранение исторического и культурного наследия, туризм, образовательные обмены и др.) в рамках объединения. Кроме того, обозначаются более четкие контуры культурного «измерения» БРИКС и происходит дальнейшая институционализация гуманитарной дипломатии в целом и культурной дипломатии в частности. Ключевыми документами становятся: Соглашение между правительствами государств-членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры (2015 г.)⁶, План действий по реализации Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры на 2022–2026 гг.⁷. Стоит отметить Уфимскую декларацию, в которой подчеркивается роль межкультурного диалога как важного инструмента сближения народов и культур, а также значение независимых инициатив по развитию образовательного пространства БРИКС (Сетевой Университет БРИКС и Лига Университетов БРИКС).

В декларациях по итогам встреч министров культуры стран БРИКС, которые проходили 11 сентября 2024 года в Санкт-Петербурге и 26 мая 2025 года в городе Бразилиа, были очерчены актуальные ключевые сферы культурной дипломатии. В обоих документах подчеркивается важность поддержки и проведения разнообразных фестивалей (Фестиваль культуры БРИКС, кинофестиваль БРИКС и др.) и культурных мероприятий, а также консолидация стран-участниц в рамках системы Альянсов (Альянс музеев, Альянс библиотек и др.). Отдельный блок посвящен вопросам сотрудничества в сфере культурных и креативных индустрий, в том числе развитию культурной экосистемы в цифровой среде. Кроме того, в Декларации девятой встречи министров культуры стран-членов БРИКС сделан акцент на защите культурного наследия и сотрудничестве музеев⁸.

⁴ *Этеквинская декларация и Этеквинский план действий (ЮОАР, г. Дурбан, 2013, 27 марта)*. Взято 29 сентября 2025, с <https://infobrics.org/ru/document/15/>

⁵ *The 6th BRICS Summit: Fortaleza Declaration (2014, July 15)*. Retrieved September 22, 2025, from <http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-leaders.html>

⁶ *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.07.2015 № 1268-р «О подписании Соглашения между Правительствами государств - членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры» (2015, 10 июля)*. Взято 22 сентября 2025, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507100011>

⁷ *Министры культуры стран БРИКС подписали план действий в рамках сотрудничества до 2026 года (2022, 25 мая)*. Взято 22 сентября 2025, с <https://russkiymir.ru/news/301277/>

⁸ *Declaration of the IX BRICS ministers of culture meeting (2024, September 11)*. Retrieved September 22, 2025, from http://www.brics.utoronto.ca/docs/240911-DECLARATION_OF_THE_IX_BRICS_MINISTERS_OF_CULTURE_MEETING-2024.09.11.pdf

В Декларации 2025 года, представленной в рамках десятой встречи министров культуры стран БРИКС, особое внимание уделяется вопросам сохранения и репатриации культурного материального и нематериального наследия, культуре бережного отношения к окружающей среде и проблематике изменения климата в контексте сохранения культурных ценностей⁹.

Исследователи в качестве важного аспекта гуманитарной сферы дипломатии выделяют межцивилизационный и межкультурный диалог, который «консолидирует и укрепляет организацию, формирует ее общие ценности и «дух» (Богатырева и др., 2022, с. 105). В официальном дискурсе «дух БРИКС» закрепляет ценностно-смысловые нарративы партнерства. Так, в декларации Рио-де-Жанейро в 2025 году он объединяет: «взаимоуважение и взаимопонимание, суверенное равенство, солидарность, демократию, открытость, инклюзивность, взаимодействие и консенсус»¹⁰.

Исторический и культурный суверенитет становится важным аспектом социокультурного сотрудничества в рамках альянса. В культурной повестке БРИКС затрагиваются вопросы, связанные с политикой памяти и мемориальной культурой как важными элементами межкультурного и межцивилизационного диалога. Так, в Декларации Рио-де-Жанейро по итогам XVII Саммита БРИКС отдельным пунктом заявляется «важность возврата культурных ценностей и наследия в страны их происхождения ... необходимость создания более прочных международных рамок по этому вопросу в качестве пути для содействия социальной сплоченности, культурной и исторической справедливости, примирению и коллективной памяти»¹¹.

Обобщая полученные результаты, можно выделить несколько основных направлений сотрудничества в рамках культурной дипломатии БРИКС: во-первых, фестивали и культурные мероприятия; во-вторых, профильные альянсы в рамках партнерства; в-третьих, туристический и спортивный сектора (Игры БРИКС, а также поддержка «в продвижении традиционных, местных и коренных видов спорта»¹² и др.); в-четвертых, образовательный трек; в-пятых, историческое и культурное наследие и коммеморативные практики (музеи, художественно-прикладное искусство, библиотечное дело, кино и музыка и др.). При этом, как отмечают исследователи, не все обозначенные в стратегических документах проекты удалось реализовать, а также присутствуют трудности с координацией между участниками партнерства (Богатырева и др., 2022, с. 117).

Несмотря на то, что некоторые документы БРИКС носят рамочный характер, можно резюмировать, что накоплен значительный опыт в рамках партнерства по реализации совместных проектов в культурной и гуманитарной сферах (Игры

⁹ *Declaration of the X BRICS ministers of culture meeting*. Retrieved September 29, 2025, from <https://brics.br/en/documents/people-to-people-p2p>

¹⁰ *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.07.2015 № 1268-р «О подписании Соглашения между Правительствами государств – членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры»* (2015, 10 июля). Взято 22 сентября 2025, с <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507100011>

¹¹ Там же.

¹² Там же.

БРИКС, Фестивали БРИКС, проведено 17 Саммитов БРИКС и др.). Кроме того, наработан пул инструментов и ресурсов «совокупной» культурной дипломатии БРИКС+, среди которых можно выделить междивизиональный и межкультурный диалог, консенсус, профильные рабочие группы, Лигу университетов БРИКС, медиаресурсы и др.

Заключение

Подводя итоги проведенной аналитической работы, отметим, что БРИКС «не является институциональным объединением с учредительным уставом» (Богатырева и др., 2022, с. 104), при этом данное партнерство за 17 лет выработало уникальную стратегию культурной дипломатии, в основе которой заложены принципы и ценности многополярного мироустройства. Именно «дух БРИКС» (по аналогии с «шанхайским духом»), декларируемый через стратегические документы, формирует как ценностно-смысловое ядро партнерства, так и дискурс культурной дипломатии в качестве компонента мягкой силы БРИКС. В завершение отметим несколько перспективных направлений дальнейшего исследования проблематики БРИКС+. Поскольку на уровне официального дискурса культурный и гуманитарный вектор дипломатии признается одним из магистральных, следует обратить внимание на отдельные сферы социокультурного сотрудничества в рамках партнерства. Особую важность в условиях перехода на новую модель высшего образования в России может представлять изучение и практическое использование методик оценки образовательного сектора стран БРИКС, в частности рейтинга вузов стран-участниц БРИКС (например, российская версия пилотного рейтинга университетов стран БРИКС). Кроме того, необходимы научное осмысление междивизионального диалога в сфере сохранения исторического и культурного наследия, а также анализ мер поддержки национальных видов спорта стран-членов БРИКС+. Это позволит комплексно проанализировать социокультурный вектор и правовые рамки сотрудничества, оценить роль и значение БРИКС+ в современной глобальной гуманитарной архитектуре.

Список литературы

1. Арсентьева, И. И. (2022). Трансформация медицинской и вакцинационной дипломатии в эпоху COVID-19. *Вестник МГИМО Университета*, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
2. Богатырева, О. Н., Ковба, Д. М., Табаринцева-Романова, К. М. (2021). *Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт*. М.: Наука.
3. Богатырева, О. Н., Ковба, Д. М., Табаринцева-Романова, К. М. (2022). Междивизиональный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС. *Дискурс-Пи*, 19(3), 101–121. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_101
4. Головашина, О. В., Батищев, Р. Ю. (2025). Культура как политика:

акторы отмены русской культуры в Польше и Германии. *Дискурс-Пи*, 22(1), 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_10

5. Лебедева, М. М. (2025). БРИКС в трансформирующейся политической организации мира. *Вестник МГИМО-Университета*, 18(4), 66–84. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-66-84>

6. Мартянов, В. С., Руденко, В. Н., Фишман, Л. Г. (2022). Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов. *Journal of Institutional Studies*, 14(2), 47–58. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.2.047-058>

7. Нагорная, О. С. (Ред). (2018). Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989. Москва: Политическая энциклопедия. <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2019-100>

8. Наумов, А. О., Наумова, А. Ю., Белоусова, М. В. (2023). Культурная дипломатия группы БРИКС. *Государственное управление. Электронный вестник*, (100), 7–18. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-100-7-18>

9. Погодин, С. Н. (2021). Элементы и процесс формирования «культурной дипломатии», *Россия в глобальном мире*, (20), 120–127. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.20.11>

10. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2017). «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии. *Дискурс-Пи*, (1), 61–72.

11. Табаринцева-Романова, К. М. (2019). «Новые» виды дипломатии XXI в.: культурная дипломатия в современном международном дискурсе. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, (3), 26–37. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10302>

12. Фоминых, А. Е. (2023). Меморабилия американских тематических выставок в СССР как источник по исследованию публичной дипломатии и пропаганды. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 16(2), 151–169. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.204>

13. Холландер, П. (2001). *Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978)*. СПб.: Издательство «Лань».

14. Чугров, С. В. (2022). Культура отмены в мировой политике: историкокультурные корни. *Полис. Политические исследования*, (5), 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

15. Arnaud, L., & Arnaud, P. (1997). Les premiers boycottages de l'histoire du sport. *Quasimodo*, (3–4), 85–100.

16. Barghoorn, F. C. (1960) *The Soviet cultural offensive the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*. Princeton, Princeton University Press.

17. Goff, P. M. (2013). Cultural Diplomacy. In A. F. Cooper, J. Heine, & R. Thakur (Eds.), *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* (pp. 1–19). Oxford University Press.

18. Hixson, W. (1996), *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961*. New York: St. Martin's Press.

19. Nye, J. (1990). *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books.

20. Nye, J. S. (2004). *Soft power. The means to success in world politics*. New

York: Public Affairs.

21. Ryniejska-Kiełdanowicz, M. (2009) *Cultural Diplomacy as a Form of International Communication*. In Institute for Public Relations. Retrieved September 22, 2025, from <https://instituteforpr.org/cultural-diplomacy-international-communication/>

22. Vonnard, P., Sbetti, N., & Quin, G. (Eds.). (2018). *Beyond boycotts: sport during the Cold War in Europe*. Watler de Gruyter GmbH.

References

1. Arnaud, L., & Arnaud, P. (1997). Les premiers boycottages de l'histoire du sport. *Quasimodo*, (3–4), 85–100.

2. Arsenyeva, I.I. (2022). Transformaciya medicinskoj i vakcinnoj diplomatii v e`poxu COVID-19 [Transformations of Medical and Vaccine Diplomacies in the COVID-19 Era]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>

3. Barghoorn, F.C. (1960). *The Soviet cultural offensive the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy*. Princeton, Princeton University Press.

4. Bogatyreva, O.N., Kovba, D.M., & Tabarintseva-Romanova, K.M. (2021). *Mnogostoronnyaya gumanitarnaya diplomatiya: universal'nyj i regional'nyj opyt* [Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience]. Moscow: Nauka.

5. Bogatyryova, O.N., Kovba, D.M., & Tabarintseva-Romanova, K.M. (2022). Mezhecivilizacionnyj dialog kak instrument gumanitarnej diplomatii stran BRIKS [Intercivilizational Dialogue as an Instrument of Humanitarian Diplomacy of the BRICS Countries]. *Diskurs-Pi*, 19(3), 101–121. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_101

6. Chugrov, S.V. (2022). Kul'tura otmeny v mirovoy politike: istorikokul'turnye korni [Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

7. Fominykh, A.E. (2023). Memorabiliya amerikanskix tematiceskix vy`stavok v SSSR kak istochnik po issledovaniya publichnoj diplomatii i propagandy` [Memorabilia of the US thematic exhibits in the USSR as a source for public diplomacy and propaganda studies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodny`e otnosheniya*, 16(2), 151–169. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.204>

8. Goff, P.M. (2013). Cultural Diplomacy. In A. F. Cooper, J. Heine, & R. Thakur (Eds.), *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy* (pp. 1–19). Oxford University Press.

9. Golovashina, O.V., & Batishchev, R. Yu. (2025). Kul'tura kak politika: aktory otmeny russkoj kul'tury v Pol'she i Germanii [Culture as Politics: Who Cancels Russian Culture in Poland and Germany?]. *Diskurs-Pi*, 22(1), 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_1014

10. Hixson, W. (1996), *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961*. New York: St. Martin's Press.

11. Hollander, P. (2001) *Politicheskie piligrimy (puteshestviya zapadnyx intellektualov po Sovetskomu Soyuzu, Kitayu i Kube 1928–1978)* [Political Pilgrims:

Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928–1979]. Saint Petersburg: Lan’.

12. Lebedeva, M.M. (2025). BRIKS v transformiruyushhejsya politicheskoy organizacii mira [BRICS in the Transforming Political Organization of the World. MGIMO]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 18(4), 66–84. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-4-103-66-84>

13. Martyanov, V.S., Rudenko, V.N., & Fishman, L.G. (2022). Pandemiya koronavirusa i krizis e`kspertnogo znaniya: perezagruzka chuda, tajny` i avtoritetov [Coronavirus pandemic and expert knowledge crisis: Reload of miracle, mystery and authority]. *Journal of Institutional Studies*, 14(2), 47–58. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.2.047-058>

14. Nagornaya, O.S. (Ed.). (2018). *Sovetskaya kul`turnaya diplomatiya v usloviyax Xolodnoj vojny. 1945–1989* [The Soviet cultural diplomacy in the conditions of Cold War: 1945–1989]. Moscow: Politicheskaya e`nciklopediya. <https://doi.org/10.24411/2076-4766-2019-10013>

15. Naumov, A.O., Naumova, A. Yu., & Belousova, M.V. (2023). Kul`turnaya diplomatiya gruppy BRIKS. [Cultural Diplomacy of BRICS]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronnyj vestnik*, (100), 7–18. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-100-7-18>

16. Nye, J. (1990). *Bound to lead: The changing nature of American power*. New York: Basic Books.

17. Nye, J.S. (2004). *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.

18. Pogodin, S.N. (2021). E`lementy` i process formirovaniya “kul`turnoj diplomatii” [Elements and process of formation of “cultural diplomacy”]. *Rossiya v global`nom mire*, (20), 120–127. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.20.11>

19. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2017). “Myagkaya sila” kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii [Soft power as the instrument of political communications and humanitarian diplomacy]. *Diskurs-Pi*, (1), 61–72.

20. Ryniejska-Kiełdanowicz, M. (2009) *Cultural Diplomacy as a Form of International Communication*. In Institute for Public Relations. Retrieved September 22, 2025, from <https://instituteforpr.org/cultural-diplomacy-international-communication/>

21. Tabarinceva-Romanova, K.M. (2019). “Novye” vidy diplomatii XXI v.: kul`turnaya diplomatiya v sovremennom mezhdunarodnom diskurse [“New” types of diplomacy of the 21st century: cultural diplomacy in modern international discourse]. *Nauchnyj zhurnal “Diskurs-Pi”*, (3), 26–37. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10302>

22. Vonnard, P., Sbeti, N., & Quin, G. (Eds.). (2018). *Beyond boycotts: sport during the Cold War in Europe*. Watler de Gruyter GmbH.

Информация об авторах

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Всеволод Анатольевич Голоскоков, магистр политологии, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7157-5593>, e-mail: wsewolod1998@mail.ru

Information about the authors

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Vsevolod Anatolievich Goloskokov, Master in Political Sciences, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7157-5593>, e-mail: wsewolod1998@mail.ru
